

RU

Специфика осмысления СВО в современной военной прозе (на материале романов Д. С. Филиппова «Собиратели тишины» и «Промка»)

Шаронова Е. А., Тарасов А. В.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению одного из актуальных явлений современной литературы – военной прозы СВО. Цель исследования – выявить своеобразие военной прозы Д. С. Филиппова, рассмотрев «Собираетели тишины» и «Промку» как целостное художественное пространство. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выявлена специфика произведений «Собираетели тишины» и «Промка» как единого текста, устроенного по принципу романного цикла. В результате установлено, что проза Д. С. Филиппова, наследуя лейтенантской прозе, вырабатывает новые устойчивые признаки, появление которых объясняется актуальными историческими обстоятельствами. «Собираетели тишины» и «Промка» представляют собой романый цикл, части которого скрепляются образом автобиографического героя. Герой Д. С. Филиппова обладает историческим мышлением, позволяющим ему устанавливать связи между эпохами и прозревать будущее. Он воспринимает свою современность как эпическое пространство, где творится история. Филиппову удается, физически поместив своих героев в окоп, блиндаж или полуразрушенный подвал, сделать их составляющей частью мироздания, а избранную изначально форму романа в рассказах заставить мыслить как эпопею.

EN

The specifics of understanding the SVO in modern war prose (based on D. S. Filippov's novels "The Collectors of Silence" and "Promka")

E. A. Sharonova, A. V. Tarasov

Abstract. This article explores a current phenomenon in contemporary literature: the military prose of the SVO. The aim of the study is to identify the unique features of D. S. Filippov's military prose by examining "The Collectors of Silence" and "Promka" as a coherent work. The research's originality lies in its first systematic analysis of "The Collectors of Silence" and "Promka" as a single text structured as a novel cycle. It was established that D. S. Filippov's prose, while inheriting the lieutenant's prose, develops new stable characteristics, the emergence of which is explained by current historical circumstances. "The Collectors of Silence" and "Promka" constitute a novel cycle, the parts of which are held together by the image of an autobiographical hero. D. S. Filippov's hero possesses a historical mindset that allows him to establish connections between eras and foresee the future. He perceives his contemporary world as an epic space where history is made. Filippov succeeds in physically placing his characters in a trench, dugout, or basement, making them part of the universe, and forcing the initially chosen form of the novel in short stories to be thought of as an epic.

Введение

Русская художественная словесность первой трети XXI века о войне, существуя в общем контексте с отечественной и мировой военной литературой, обладает чертами, обусловленными своеобразием современного литературного процесса, вызванного особенностями бытовых и бытийных обстоятельств времени.

Объявленная в феврале 2022 года специальная военная операция и связанные с ней события, безусловно, нуждаются в осмыслении художественной литературой, ибо журналистской оценки недостаточно для полного их понимания: взгляд журналиста на событие фиксирует лишь его факт, взгляд писателя вводит этот факт в историю. Осознавая это, писатель Захар Прилепин – один из апологетов СВО – настаивает на необходимости формирования в российском и западном культурном пространстве не сиюминутного впечатления, но объемного исторического взгляда на нее, на том, чтобы она заняла адекватное своему масштабу место в отечественной и мировой истории. Т. Н. Маркова отмечает, что «события, развернувшиеся с 2014 года на Украине

(сначала Гражданская война, с 2022-го – Специальная военная операция), предоставляют весомые основания для постановки вопроса о новом этапе в истории русской военной прозы. Поначалу она была представлена преимущественно дневниковыми записями ополченцев. Первой попыткой художественного осмысления событий на Украине стал «Ополченский романс» З. Прилепина. Это книга о войне как способе существования отважных и честных мужчин, о справедливой войне, о защите Русского мира» (2025, с. 37).

Захар Прилепин, А. Колобродов, О. Демидов в 2024 году создали проект «КПД» – редакция издательства АСТ, задача которого заключается в публикации произведений современных писателей, в том числе и об СВО (Болнова, 2025; Башкова, 2025). В этом издательстве уже вышли произведения В. Троицкой «Донецкое море. История одной семьи», К. Минина «Доброволец. Письма о любви», И. Бугрышевой «Я трогаю войну руками», А. Долгаревой «Я здесь не женщина, я фотоаппарат», Е. Николаева «Моя Новороссия: записки добровольца», А. Крештопа «Солдат Донбасса» и др. «Собиратели тишины: роман в рассказах» (2024) и «Промка» (2026) Д. Филиппова также увидели свет в «КПД».

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом к современной русской военной прозе и необходимостью изучения ее художественной специфики, вызванной в том числе характером исторического контекста.

Сегодня литературоведение активно осмысляет явление российской военной прозы вообще (Косинцева, 2025; Шаронова, Гудкова, Дубровская, 2014; Юхнова, 2011) и прозы СВО в частности (Болнова, 2025; Краснова, 2025; Маркова, 2024; 2025; Новокрещенова, 2025; Тарасов, 2025; 2026; Шаронова, Тарасов, 2025), выявляя ее сюжетно-тематические особенности, проблематику (Тихонов, Коробов-Латынцев, 2022; Щукина, 2026; Ясакова, 2025), поэтику заглавий (Стогний, Гримова, 2025), и определяет ее значимость не только в литературном процессе, но и стремится выявить степень ее воздействия на сознание современного человека. И. Л. Новокрещенова приходит к выводу, что «русская весна и последовавшая за ней специальная военная операция дали толчок для развития литературного творчества, не происходившего со времен Великой Отечественной войны. Фронтовая поэзия и проза, затрагивающие наиболее актуальные проблемы дня сегодняшнего и отвечающие на главные вызовы современности, ознаменовали новый век русского самосознания» (Новокрещенова, 2025, с. 263).

В соответствии с поставленной целью задачами исследования явились: во-первых, определение уникальных жанровых черт военных романов Д. С. Филиппова «Собиратели тишины» и «Промка», рассматриваемых как романский цикл; во-вторых, осмысление образов современных добровольцев, созданных писателем.

Теоретическую базу исследования составила идея М. М. Бахтина о природе романного жанра, способной к постоянному обновлению и движению: «...роман не дает стабилизироваться и канонизироваться ни одной собственной разновидности» (2012, с. 603).

В основе методологии нашего исследования лежат принципы культурно-исторического (способствующего восприятию прозы Д. С. Филиппова как документа эпохи и подразумевающего взгляд на нее как на выражение национального проявления народа в острый исторический момент его жизни), сравнительно-исторического (благодаря которому были выявлены важнейшие черты художественного своеобразия военной прозы Д. С. Филиппова), биографического (позволяющего соотнести автобиографический контекст автора и особенности его преломления в художественном произведении), а также метода целостного анализа художественного произведения (давшего возможность осмыслить художественное своеобразие военной прозы Д. С. Филиппова).

Материалами исследования явились романы Д. С. Филиппова «Собиратели тишины: роман в рассказах» (2024) и «Промка» (2026), а также его авторский блог «Вождь».

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и общие выводы могут быть применены в вузовском курсе современной отечественной литературы, спецкурсах, посвященных прозе добровольцев.

Обсуждение и результаты

В первой трети XXI века военная проза вообще и роман о войне в частности претендуют на литературоведческую рефлексию так же, как сами военные действия на Донбассе – на эстетическое восприятие. Современный военный роман / современная военная проза (мы будем использовать эти понятия как синонимические в рамках нашего исследования), хотя и мыслит себя наследником романа о Великой Отечественной войне, с точки зрения формы весьма от него отличается. Формальное устройство современного романа о войне, вся система используемых в нем художественных приемов и средств не подразумевают длинных поэтических описаний масштабных боевых операций. Даже представление частных, локальных событий дается в ином художественном ракурсе, чем тот, который имеют образцы лейтенантской прозы 60-х годов XX века. Современная лейтенантская проза, а этот термин вновь активно используется, наряду с классическими чертами, выработанными ее предшественницей – фронтовой лирической повестью (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 164), в режиме реального времени интенсивно формирует признаки, характерные только для нее (отметим, однако, что более точным, на наш взгляд, является термин «проза добровольцев», который стремится заменить своего предшественника, ибо корректнее отражает характер новой русской литературы о войне). И одним из основных жанровых свойств современного повествования о войне является хроникальность изображения событий, возникающая ввиду того, что автор и герой произведений – часто один и тот же человек. Писатель как участник исторических событий стремится подробно фиксировать свои поступки и переживания, окрашивая личной информацией хронологию донбасской войны. Он, являясь обладателем самых полных и точных

знаний о событии, делится ими с героем, поэтому авто-восприятие, авто-реакция, авто-переживание – главный художественный прием, с помощью которого создается картина войны. В этой связи будет уместным вспомнить слова Г. Д. Гачева: «Человечество в нашем веке так измывалось в гекатомбах и океанах лживого слова, что даже слово художественной литературы – как вымысел – уже нам неправдою дышит: настолько стали чутки к придуманности. И, реактивно к этому, – влечет просто правда, факт, документ. А в литературе – честное, исповедальное слово писателя» (1994, с. 3-4). В своих «исповедях» ученый актуализирует идею «беззащитного текста», который «взыскует, форсирует-стимулирует-индуцирует в душах людей иное состояние мира и ориентировку: встречную доброжелательность, а не подстерегание-подозрительность; ситуацию взаимолюбви и великодушия, а не взаимно-ненависти и карания. Доверяющийся – и сотворяет доверие: распространяет его силовое поле вокруг; ис-повесть заражает со-вестью» (Гачев, 1994, с. 3-4). Военный роман первой трети XXI века является тем самым «беззащитным текстом», который, поднимая вопросы онтологического характера, сам тоже их вызывает у исследователей и у читателей, ибо он как явление еще не в полной мере сложился (отсюда каждое исследование о нем может рассматриваться только как предварительное). Находясь в поисках строгих формальных очертаний, роман СВО определенно стремится к исповедальной форме высказывания и убеждает в правдивости предложенного описания события. Следует отметить, что писатели-фронтовики настаивают на искренности выражения своей гражданской, личностной и исторической позиции. И ни читатель, ни исследователь не могут не доверять их творческой позиции. Они (и это не парадокс, а закономерность) создают «ситуацию взаимолюбви и великодушия, а не взаимно-ненависти и карания» именно потому, что каждое мгновение сталкиваются со смертью и подвигом, с благородными проявлениями человека или с его слабостью, следовательно, высоко воспринимают Жизнь во всеобъемлющем значении этого слова. Другой приметой прозы добровольцев является восприятие противника как равного по силе, что опосредованно утверждает веру в собственные силы. Все это свойства русской литературы, обозначенные еще в пору монгольского нашествия на Русь и отраженные в древнерусских повестях («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Житие Александра Невского» и др.), развитые литературой XVIII-XIX веков и представленные в обстоятельствах исторической ситуации первой трети XXI века. В контексте наших рассуждений считаем уместным обратить внимание на эпизод из романа Д. С. Филиппова «Промка», в котором герой с позывным «Калина» появляется как аллюзия образа Пересвета из «Сказания о Мамаевом побоище»: «Смерть летела им навстречу, но уже была полой, потерявшей вес.

– Ну все, иди, – произнес Калина.

– Послушай...

– Пошел, я сказал, – грубо закричал старшина и оттолкнул Вожака от себя.

А потом развернулся и зашагал навстречу голодной “птице”.

Он шел вперед своей широкой размашистой походкой, как бурлак, все тянул за спиной невидимый груз. И каждый его шаг был наполнен огромным весом. И не было в нем ни сомнений, ни страха...

Господи... Как он шел! Так идут мученики и святые: по воздуху, не касаясь земли.

Калина шел вперед, и не было на свете силы, способной его остановить.

Он шел навстречу жизни.

Навстречу бессмертию.

Комик взвизгнул, срываясь вниз. За секунду до удара Калина обернулся и махнул Вожаку рукой: мол, не расстраивайся, брат, все хорошо. Все будет хорошо!» (Филиппов, 2026, с. 300). Калина, подобно Пересвету, «насаживает себя на копье», чтобы скорее добраться до врага, опередить своих товарищей во встрече со смертью. Этот художественный прием расширяет хронотоп филипповского романа, позволяет ему объять большое время.

Русская художественная словесность, повествующая о войне, традиционно обладает гуманитарным началом и утверждает милосердное отношение к человеку. Можно утверждать, что проза добровольцев осознанно наследует установкам советской литературы о Великой Отечественной войне. Проявляется это на уровне памяти о ней, вплетенной в «донбасские сюжеты» через прямые упоминания имен писателей и названий их произведений. К. Ю. Краснова отмечает: «Формирование корпуса художественных текстов о современной войне порождает вопрос о литературной преемственности в освещении батальной темы. Трансформацию литературной традиции определяет, прежде всего, смена характера военных действий» (2025, с. 186).

Кроме образа Великой Отечественной войны, в «донбасской» литературе присутствует образ Советского Союза как идеального государства. Мотив советского государства в таком ключе звучит и потому, что писатели-добровольцы «родом из СССР». Почти все они родились в 70-80-е годы XX века, их взросление пришлось на так называемые «золотые» советские годы, поэтому, отправившись сегодня на СВО, они защищают не только современную Россию, но и Родину своего детства.

Важной чертой вслед за упомянутой выше хроникальностью изложения событий, осмысляемых и описываемых в режиме онлайн, является отсутствие демонстративной художественности, авторы не стремятся живописать событие, они скрупулезно фиксируют каждую его деталь. Следует говорить не об отсутствии художественности вообще, а об особом роде художественности, вызванном необходимостью безотлагательно описать произошедшее событие, ибо, во-первых, другого времени у военного писателя может и не быть, во-вторых, необходимое для работы приспособление – мобильный телефон – у него всегда с собой. Сегодня писателю, чтобы написать текст, не нужны письменный стол и компьютер. Мобильный телефон заменяет ему их, поэтому появляющийся из-под его виртуальной клавиатуры текст военного романа сразу отправляется

в редакцию, где превращается в печатную книгу. Современные технологии сокращают путь произведения от рукописи к книге, а обстоятельства ее создания вынуждают писателя, находящегося в экстремальных условиях современной войны, экономить время на изобразительных красивостях. По сути, дистанция между фактом события и событием, описанным в книге, равняется считанным месяцам. Мы намеренно обращаем внимание на эти обстоятельства, ибо они влияют на характер литературы, по Н. Л. Лейдерману, «здесь переживает новый поэтический пафос» (2019, с. 337). Быт войны, характер ее конфликта, без сомнения, направляют поиски формы художественной словесностью.

Кроме того, «донбасская» литература нуждается в появлении эталонного текста, который писатели-добровольцы неосознанно/осознанно спешат создать. Эталонный текст обладает чертами, совокупность которых выражает явление (например, образцовым русским сентименталистским текстом явилась «Бедная Лиза» Н. Карамзина, образцовым романом-эпопеей – «Война и мир» Л. Толстого и т. п.). Литература о Великой Отечественной войне знает множество эталонных текстов: «Жди меня» К. Симонова, «Враги сожгли родную хату» М. Исаковского, «Судьба человека» М. Шолохова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Горячий снег» Ю. Бондарева, которые и сегодня сохраняют свой статус. В «Промке» боец с позывным «Инженер» размышляет о советских книгах и фильмах о Великой Отечественной войне: «Они давали силы идти вперед, когда идти вперед означало верную гибель, когда ноги отказывали и тело становилось ватным, тяжелым и неповоротливым. Был приказ. Приказ должен быть выполнен. Точка. А если ты его не выполнишь, испугаешься и сбежишь, то лейтенант Кузнецов из “Горячего снега” презрительно сплюнет под ноги и отвернется. Это страшнее тюрьмы, страшнее всего на свете. Уж лучше сдохнуть от шальной пули» (Филиппов, 2026, с. 174). Подобного рода художественный прием используют в своем творчестве все «донбасские» писатели – В. Троицкая, Г. Кубатьян, З. Прилепин, А. Лисьев и др.

Образцовым текстом о чеченской войне может быть назван роман «Патологии» З. Прилепина (Шаронова, Гудкова, Дубровская, 2014). В «донбасской» поэзии и прозе канонический текст энергично стремится появиться.

Обозначенные обстоятельства делают современный литературный процесс исключительно динамичным. Жизнь стремится в литературу, а литература усваивает формы жизни. И форму жизни получает военный роман, который активно возвращается в актуальное культурное поле.

Очевидно, что военный роман XXI столетия отличается от своего предшественника (Косинцева, 2025; Моисеева, 2025; Юхнова, 2011), он иначе говорит о войне, иначе формирует ее образ. Еще двадцать лет назад роман о войне мыслил в классической манере жанра (вспомним «Патологии» (2005) З. Прилепина). Причина этих жанровых метаморфоз найдена и описана М. М. Бахтиным в работе «К вопросам теории романа»: «Роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр. Жанровообразующие силы действуют на наших глазах, становление жанра протекает при полном свете исторического дня. Костяк жанра еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать все его пластические формы и возможности. <...> Перед нами процесс становления новой большой ведущей, все определяющей литературной формы, нового литературного осознания и изображения мира, долженствующего сменить старое со всеми его жанрами. Этот процесс диалектичен, смерть старого неразрывно слита в нем с рождением нового. Этот процесс еще далеко не завершился, он еще в разгаре, и, может быть, даже еще и не в разгаре, а только в своем начале, он еще слишком далек от границы и формы» (2012, с. 599–600). Природа романа, таким образом, имеет онтологический характер, следовательно, она неисчерпаема и безгранична так же, как неисчерпаемо и безгранично бытие, и может быть усечена только самой жизнью.

Художественная словесность первой трети XXI века занимается поиском новых форм, нового языка, вырабатывает новые принципы эпичности, и роман, единственный, способен соответствовать ее запросам и имеет адекватную им скорость преобразования (Лейдерман, Липовецкий, 2003; Мальцева, Кознова, Гаганова и др., 2025). Писатели понимают это и воспринимают его как неиссякаемый источник возможностей для разговора о самых важных вопросах бытия. Многие произведения их создателями определяются как романы, но как будто не имеют привычных романских черт, и этим еще более подтверждают универсальную природу жанра. Так, Д. С. Филиппов один за другим выпустил романы об СВО – «Собиратели тишины» и «Промка», жанровая природа которых требует специального взгляда на них. Мы считаем, что их можно рассматривать как романский цикл, ибо они обладают его устойчивыми признаками: внутреннее единство при внешней самостоятельности каждого произведения, что ведет к открытости, подразумевающей появление новых частей; концептуальный характер художественного высказывания о войне, присущий обоим частям цикла и подтверждающий их целостность; усложненный принцип сюжетостроения и персонажной системы, способствующий организации более изощренной конструкции цикла; особым образом выстроенное взаимоотношение времени и пространства в романах-участниках цикла; звучание актуальной центральной темы, связывающей произведения; семантическая близость образов, фигурирующих в цикле.

Путь Д. С. Филиппова в литературе имеет свою историю: сборник рассказов и повестей «Три времени одиночества» (2010), роман «Я – русский» (2015), документальное исследование в серии ЖЗЛ «Битва за Ленинград» (2020) и, наконец, «Собиратели тишины» (2024) и «Промка» (2026). Он участник военных событий в Чечне, действующий военный сапер на фронтах СВО. Ввиду этого сюжеты его донбасских романов имеют автобиографическую основу, и главный герой не только обладает автобиографическими чертами, но и носит реальный позывной писателя – «Вожак». Таким образом, автобиографизм – важный художественный прием его военной прозы, решенный творчески сложно.

С одной стороны, автор выстраивает судьбу героя исходя из деталей, составляющих его собственный жизненный путь. Но при этом между ними сохраняется эстетическая дистанция, во многом благодаря тому, что о романном Вожаке Д. С. Филиппов говорит в третьем лице и, передавая ему свой позывной, наделяет

вымышленным именем – Кирилл Родионов. Это позволяет герою воплотиться в уникальный образ, обрести присущее только ему смысловое наполнение, оказаться в своем собственном времени/пространстве и создать свой мир, за которым наблюдает Автор/Творец. Присущая образу Вожака объемность позволяет ему вписаться в исповедальную форму повествования, принятую писателем. Его тексты – исповедь о Времени, о Человеке, о Мире, в которой художественная правда переплетается с правдой жизни.

Важно, что писатель осознает своего героя как нерядового человека, которому предназначено исполнение миссии, и показывает, как Родионов превращается в Вожака: «– Собираемся. Полк переезжает на новое место. – Куда? – кто-то робко спросил из строя. – В Донецк. <...> Собирая рюкзаки, парни прощались с Курской областью, с мирной жизнью, со всем тем, о чем будут вспоминать очень долго и с комком в горле. В их личной книге начиналась новая страница. <...> – Ну вот и начинается, Кирюха, – сказал Малой. – Да, Антоха, брат, начинается, – ответил Родионов. Как выброшенный за борт щенок, Малой заглянул Родионову в глаза. – Веди нас, Вожака! <...> Так у Родионова появился позывной» (Филиппов, 2024, с. 204). Присущий Д. С. Филиппову пафос в описании «рядовых» событий войны оправдывается их нерядовой значимостью в судьбах страны и в судьбах их участников; и тем, что сами герои ненужного пафоса лишены.

Д. С. Филиппов в «Собирателях тишины» и в «Промке» размышляет над феноменом добровольца. Во многом добровольцы XXI века похожи на своих предшественников из 1941 года. Отличает их лишь характер восприятия происходящего: доброволец 1941 года твердо знает, почему идет воевать – враг пришел на его землю, ее нужно защитить; доброволец 2022 года чувствует благородный патриотический порыв, но сиюминутно не может объяснить причину, оправдывающую его. Доброволец Д. С. Филиппова совершает большую душевную работу над собой, прежде чем оказывается способным принять реальность, поскольку в его выбор вмешивается материальный компонент, которого не было в 1941 году. Но деньги играют какую-то роль лишь до тех пор, пока доброволец не перешел через границу, разделяющую мир и войну. Как только он оказывается на территории войны (в «располаге», в окопе, на боевом задании и т. д.), деньги, имеющие значение в мирной жизни, утрачивают свою магию, говорить о них становится неловко, ибо рядом со смертью они теряют свою силу, их смысл делается ничтожным. Д. С. Филиппов как писатель, решившийся на большое художественное высказывание, считает необходимым обозначить вопросы, волнующие его как гражданина страны. Свою гражданскую позицию он намеренно демонстрирует, наделяет ею своих героев, что тоже определяет специфику его творчества.

Родионов у Д. С. Филиппова размышляет: «Бронь. Если бы ее не было, Родионов чувствовал бы себя спокойнее, ровнее. А получив в отделе кадров заветную бумажку, освобождавшую его от частичной мобилизации, вдруг почувствовал себя подлецом. Словно он спрятался за этим зеленым листком. И все, чем он жил, во что свято верил и чем гордился, мгновенно потеряло вес. <...> В начале октября Родионов поехал на митинг в поддержку специальной военной операции. На сцене выступали артисты, пели патриотические песни, читали стихи, говорили правильные слова. Перед сценой немим морем толпились бюджетники с выданными заранее флагами России. И вдруг Родионов отчетливо понял, что пройдет много-много лет, он состарится, дочь родит ему внука, смешного и бойкого пацана; и внук однажды сядет к нему на колени и спросит: “Дедушка, а что ты делал во время войны?” И Родионову нечего будет ответить, кроме как: “А я, внучок, флагом размахивал”. Он крепко сжал древко флага и задрожал от ненависти к самому себе. <...> На следующий день написал о снятии с него брони» (Филиппов, 2024, с. 188-189). Герой Д. С. Филиппова – человек, теряющийся в настоящем без прошлого и без представления о будущем, убежденный в необходимости сохранения связи поколений.

Кроме того, Д. С. Филиппову важно показать, как в его Родионове пробуждается гражданское чувство, как из толпы в какой-то момент выделяется Человек, перестающий быть ее частью, обретающий личностное бытие, способность к уникальному восприятию происходящего и волю к совершению большого поступка. Главное чувство, управляющее его нравственным воскрешением, – чувство стыда.

Д. С. Филиппов в «Собирателях тишины» и в «Промке» создает галерею портретов добровольцев, описывает реакцию каждого на мобилизацию: 1. Серега Ужимцев («У Сереги и правда что-то екнуло в душе, давно забытое чувство риска, опасности, которого ему так не хватало после чеченской войны. Нет, он не рвался на фронт. Он был взрослым, все повидавшим мужиком, реально смотрел на вещи, знал, что на войне убивают. Но от щемящего чувства в сердце никак не мог отделаться. <...> С утра отправился в военкомат. Настроение отчего-то было приподнятым, радостным» (Филиппов, 2024, с. 183-184)); 2. Максим Старостин («...решение, сосущее тоску из глаз, вот уже неделю бьющее наотмашь бессонными ночами, – вдруг оказалось простым и легким. Душа у Максима вновь обрела равновесие, сердце забило ровнее. Сын офицера, недоучившийся в свое время в военном училище, женившийся, родивший двоих детей, ушедший с головой в теплоэнергетику, спокойно курил у порога военкомата. Все уже было сделано. Назад пути не было» (Филиппов, 2024, с. 185)); 3. Веселый («Когда-то давно, в прошлой жизни Веселый работал автомехаником, чинил иномарки. Потом в пьяной драке избил человека, сел за хулиганку. Второй срок был по два-два-восемь – поймали на закладке. Из тюрьмы ушел на войну. Воевал на бахмутском направлении. Выжил. Стал командиром отряда. Во время штурма авдеевской промзоны бойцы ЧВК “Товарищи”, в большинстве своем бывшие ээки, потеряли до роты только двухсотыми. Раненых же не считали. Веселый выжил и тут. По решению командующего армией ЧВК “Товарищи” негласно возглавили штурмовые действия на южном фланге Авдеевки, объединяя вокруг себя все смежные подразделения. Веселый впервые в жизни ощутил настоящую власть над людьми, дающую ему право казнить и миловать, и ему понравилось это ощущение» (Филиппов, 2026, с. 226)); 4. Инженер («Инженер шел по промке, и в голове до сих пор не укладывалось, что вот он идет на штурм, что прямо сейчас

он будет убивать противника. То, что его самого могут убить, казалось незначительным. Эта мысль пульсировала на периферии сознания, но была фантастичной, вздорной и невозможной. Ну, как это его могут убить? Он же существует, дышит, двигается. Без него весь мир провалится в тартарары» (Филиппов, 2026, с. 182)).

Инженер – одна из ключевых фигур романа. Его образ складывается из его размышлений о жизни, о смерти, о страхе; из его готовности к подвигу; из его способности без споров, без лишних раздумий выполнить свою работу. В этом нет внешнего пафоса, нет восторженности, совершая подвиг, он не мыслит себя героем. Инженер – интеллигентный человек в русском значении этого слова: «Инженер... вдруг понял, что не хочет больше никуда бежать, пригибаться, падать. Он просто хочет дойти до точки и выполнить эту гребаную задачу. <...> Рюкзак со взрывачкой был у Бомбера, Инженер обернулся к товарищу и спросил одними губами: – Пойдешь? <...> Бомбер замялся, привалившись спиной к стене, и отрицательно покачал головой.

– Тогда давай мне.

Он принял рюкзак, проверил зажигательную трубку и, тяжело вздохнув, прислонив автомат к стене, направился к Ларьку. <...> “Сейчас, сейчас... Я уже умер...” <...> Прислонился спиной к стене и тут же, без подготовки, не приводя в порядок дыхание, опустил рюкзак на землю, нащупал чеку зажигательной трубки, резко потянул на себя. Раздался легкий хлопок, воспламенился огнепроводный шнур, и в морозном воздухе тут же разлился запах горящего пороха. <...> Инженер шагнул к бойнице и с силой припихнул рюкзак внутрь. Рюкзак застрял и не хотел проваливаться, и тогда Инженер протолкнул его ногой, услышал, как взрывчатка упала на пол. <...> – А-а-а-а – заорали в глубине подвала. Инженер развернулся и пошел прочь. Работа была выполнена. Больше он ничего не мог сделать» (Филиппов, 2026, с. 220–221). Д. С. Филиппов уподобляет подвиг Инженера подвигу Александра Матросова, во время Великой Отечественной войны закрывшего собой амбразуру врага, благодаря чему его товарищи выполнили приказ. Инженер совершает подвиг, за который не получает награды, потому что в рамках большой войны его поступок – это поступок статиста, в границах взаимоотношений с однополчанами – рядовое действие, которое каждый из них совершает ежедневно, и только в диапазоне его собственной жизни сделанное им имеет выдающееся значение.

Для доказательности специфики авторского почерка Д. С. Филиппова считаем уместным сравнить описание подвига Инженера в романе «Промка» с тем, которое дает Д. С. Филиппов/«Вожак» в своем канале в мессенджере “MAX”, и комментарий к нему от 21 июня 2026 года: «И немного о героях. Отличительной особенностью этой войны является то, что мы практически не знаем ее героев. Нет, мы видим билборды с героями России, видим ролики в интернете с духоподъемными кадрами, но мы не знаем героев поименно. Мы не знаем сути подвига тех, кто изображен на этих билбордах. Редкие исключения – экипаж танка “Алеша”, в одиночку остановивший вражескую ударную группу. Мы знаем подвиг Владислава Головина, позывной “Струна”. Знаем якута Андрея Григорьева, победившего врага в рукопашной. Но мы их знаем в силу случайных обстоятельств. Потому что в век интернета завирусилось видео их подвига. “Струну” знаем потому, что талантливая Юта написала о нем песню. <...> А мне вспоминается история моего друга Инженера, который во время штурма Авдеевской промзоны ножками дошел до укрепления хохлов, закинул им внутрь подвала рюкзак со взрывчаткой и шел обратно, ожидая очереди в спину. Укреп был взорван, задача выполнена. Об этом я написал в своем романе “Промка”. Но у Инженера не было камеры на шлеме, его подвиг не попал в СМИ. Поэтому ему даже “За отвагу” не дали. И таких подвигов – тысячи. <...> Мне очень хочется верить, что бойцы, дравшиеся насмерть 100 дней в горбольнице окруженного Купянска, останутся в народной памяти наравне с защитниками Брестской крепости» (Вожак, 2026). Свое высказывание писатель закрепляет публикацией фотографии реального Инженера. И образ, рожденный фантазией читателя книги, сталкивается с лицом настоящего человека – исполненным мысли и чувства. И это еще более усложняет и обогащает восприятие романного персонажа, оказывает на читателя еще более сильное эмоциональное и интеллектуальное воздействие. Сегодня при анализе литературного произведения мы не можем пренебрегать влиянием социальных сетей, их вмешательством в нашу рецепцию литературы, умалчивать об этом еще и потому, что сами писатели стремятся аккумулировать энергии литературы и интернета.

Архетипическим для Д. С. Филиппова является не только образ Великой Отечественной войны, но и образ Дня Победы, постоянно присутствующий в сознании добровольцев – персонажей его романов. Они опираются на него как на ориентир, ведущий их к их Победе. В «Собирателях тишины» Родионов/Вожак, отвечая на аргументы чиновника Гнатыюка («Нет, я, может, чего не понимаю. Так вы объясните. Сначала нам рассказывали из каждого утюга, что мы за две недели Киев возьмем, что нас там с цветами встретят. Упс... Из-под Харькова ушли, Херсон с Изюмом оставили. Получили поджопник от хохла, утерлись, провели мобилизацию. А дальше-то что? С грехом пополам занюханную Авдеевку взяли... Вот вы были там. Скажите, стоила она того? <...> А сколько пацанов погибло? <...> Еще скажите, что быть воином, значит, жить вечно. Вы же не верите всерьез в эту чушь!» (Филиппов, 2026, с. 346)), клянется именем Победы 1945 года и завершает разговор с ним словами из исторического обращения правительства к народу 22 июня 1941 года: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» (Филиппов, 2024, с. 347). Рассказ «День Победы» символически завершает роман «Собиратели тишины».

Д. С. Филиппов (и редакция «КПД») сознательно актуализирует в своей прозе острые вопросы современности. Он считает, что восприятие донбасских событий их участниками и сторонними наблюдателями не может быть одинаковым: если для участника все происходящее священо, то для зрителя – тягостно и бессмысленно. Д. С. Филиппов намеренно акцентирует внимание на противоречиях эпохи, обнажая духовный кризис, переживаемый современным обществом. Благодаря этому хронотоп его творческой жизни расширяется, он не только остается современником других «донбасских» писателей, но и включается в ряд классиков, таких как Ю. Бондарев, А. Володин, В. Быков, Б. Васильев, В. Некрасов и др.

Родионов, Ужимцев, Старостин, Инженер, Калина – добровольцы, осознанно принявшие решение отправиться на войну. Д. С. Филиппов своей авторской волей наделяет их чувством долга, пониманием природы войны, совестью. Но не все воспринимают событие подобно им («Кто-то тяжело вздыхал, расписывался и забирал повестку. Кто-то отказывался принимать ее. Кто-то просто тихо стоял за дверью и делал вид, что никого нет дома» (Филиппов, 2024, с. 187)); не все понимают его историческое значение в самый момент его свершения и готовы принять на себя ответственность за судьбы Отечества. Писатель не сочувствует им, но и не унижает, понимая, что беззаботная жизнь многих привела к утрате острого чувства Родины, они, выражаясь языком 70-х годов XX века, не прошли «испытания сытостью». Но в художественном мире прозы Д. С. Филиппова носитель любой точки зрения может претендовать на исключительную верность позиции, и встать перед Временем и Историей как их главное действующее лицо: «...окружающий мир прятался, не чувствуя себя равным человеку, по-детски закрывая глаза ладошками» (Филиппов, 2024, с. 186).

Герой Д. С. Филиппова склонен к рефлексии: «– Я тут долго думал, – продолжил Француз. – Вот мы ставим мины, закидываем ПОМки к хохлам, делаем заряды для сбросов и комиков... Кто-то подрывается на наших минах, кого-то убивают наши заряды... Тебя совесть не мучает?

– Нет. Вообще по барабану. <...> Это просто моя работа. Вот она такая. Кто-то строит дома, кто-то продает сотовые, кто-то кофе варит. А я... – Вожак замялся, подыскивая нужное слово.

– Убиваешь людей.

– Убиваю врагов. На войне нет другой работы. <...>

– Вот в этом вся беда, Кирюха. <...> Ты сегодня заминируешь хохлам пути ротации, и кто-то из них подрвется на этих ПОМках. Но тебе плевать, это твоя работа. А хохол, который задвухсотил Ниндзю под мостом, – ему тоже все равно, это его работа, он просто смотрел в очки и управлял самолетиком...<...> все... делают свою работу, и вроде как никто не виноват. Только вся промка трупами завалена. <...> А я предлагаю нарды, – улыбнулся Француз. – С завтрашнего дня отменить стрелкотню, мины, дроны... Только доска с нардами в рюкзаке. Встречаются на передке хохол и русский, достают нарды и начинают рубиться. Кто проиграл – тот отступает. Вот это турниры начались бы по линии фронта. ...И все живы, довольны, дома целые. И никакой смерти больше.

– Все это хорошо, Коля, очень хорошо. Только как ты Поэту и Ниндзе все объяснишь?» (Филиппов, 2026, с. 290-291). Писатель, исповедующий законы диалектики, воспринимает жизнь во всей ее сложности. В приведенном выше отрывке Вожак и Француз полемизируют о важных проблемах войны – о том, кем является воин на войне, когда наступит мир и что для этого нужно сделать, отличаются ли чем-то противоборствующие стороны. Отметим, что и Вожак, и Француз излагают гуманистическую точку зрения на происходящее. И не является парадоксальным то, что их гуманизм рожден их воинской практикой. Д. С. Филиппов настаивает на том, что именно их воинский статус формирует в них стремление к миру. Такой взгляд на войну, как правило, транслируют через своих персонажей писатели-фронтовики – и современные, и прошлых лет (А. Толстой, А. Твардовский, М. Шолохов, Ю. Бондарев, З. Прилепин, Д. Филиппов и др.). С одной стороны, их литература лишена военной романтики, они изображают войну как кровавую, исполненную боли и страдания, с другой стороны, в их произведениях настойчиво присутствует гуманистический пафос и вера в величие человека. Как правило, в военной прозе так называемый «маленький человек», столкнувшись с ужасом войны, не отступает перед ним, а, аккумулируя свои силы, становится большего самого себя и больше войны.

Заключение

В романном цикле о войне Д. С. Филиппов создает уникальный образ Человека, что является важным его достижением. Герой Д. С. Филиппова один на один с целым миром, способен принимать самостоятельные решения, которые не подвергает обсуждению, склонен к рефлексии. Его одиночество – высокое одиночество человека, избранного временем, исполняющего миссию защитника Отечества. Этим объясняется и то, что в романном цикле Д. С. Филиппова не звучит любовный мотив. В воображении или в памяти героя может возникнуть представление о женщине, вызванное тоской по дочери, матери, жене, осознаваемой как отголосок прежней жизни, как что-то высокое и подлинное. Эта деталь показательна и сама по себе, и как черта большой русской литературы, в которой эротическое восприятие женщины не является первозначным.

К художественным особенностям прозы добровольцев вообще и военной прозы Д. С. Филиппова в частности относятся ее автобиографический характер, применение хроникального принципа изложения событий войны и эмоциональных переживаний персонажей, фиксирование мгновенности бытия войны и человека на войне. Филиппов-писатель сосредоточен на желании понять место человека на войне, он осознает и показывает, что человек на войне пребывает на грани между жизнью и смертью, между бытием и небытием. Характер художественного видения писателя сам избирает адекватную для себя форму: его романы состоят из коротких рассказов об участниках СВО, скрепляются в единое целое посредством кумулятивного сюжета, связующей нитью которого является образ Вожака – героя с активной жизненной позицией, прототипом которого выступил сам Д. С. Филиппов, воплощающего в себе черты современного человека сорока-пятидесяти лет, сформировавшегося в 70-80-е годы XX века и подчеркнуто обладающего такими понятиями, как долг и любовь к Отечеству. Созданный Д. С. Филипповым образ человека, осознанно воспринимающего свое настоящее как большое время, а себя как исполнителя миссии защитника Родины, наполняет его прозу эпическим дыханием. Важно отметить, что в «донбасском» романе эпичность, признаваемая ключевым свойством жанра, не является неизменным признаком каждого конкретного произведения. Однако она, бесспорно,

присутствует во всем массиве современной военной прозы, выступающей сегодня единым текстом, обладающим общим мышлением, общим знанием и характером восприятия творящейся истории; она запечатлевает время, не просто сохраняет память о событии, но формирует взгляд на него.

Перспективой исследования может стать анализ жанрового своеобразия других образцов современной военной прозы, представленной в творчестве таких писателей, как К. Минин, Е. Николаев, А. Малькевич и др., но еще не подвергавшейся литературоведческому анализу. Кроме того, важное значение для понимания специфики современного литературного процесса имеет изучение интенсивно развивающейся сегодня женской прозы о войне, в которой отражается более сложный и неоднозначный взгляд на происходящие исторические события, ибо женщина-писатель, в отличие от мужчины, воспринимает их не только как патриот и гражданин, но и как мать и жена.

Материалы исследования | Research materials

1. Вожак: блог. https://max.ru/chanel_vozhak_Z
2. Филиппов Д. С. Промка. М.: АСТ; Редакция «КПЛ», 2026.
3. Филиппов Д. С. Собиратели тишины: роман в рассказах. М. – Л.: АСТ; Редакция «КПЛ», 2024.

Источники | References

1. Башкова И. В. Метатекст современной радиопередачи (на примере программы «Ключи Захара» на радио Sputnik) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.12.77441>
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.).
3. Болнова Е. В. Серия «Русская реконкиста» редакции КПД // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 1 (25).
4. Гачев Г. Д. Семейная комедия: Лета в Щитове: (Исповести). М.: Школа-пресс, 1994.
5. Косинцева Е. В. Отражение Великой Отечественной войны в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2025-15-2-247-254>
6. Краснова К. Ю. Проблемно-тематические аспекты современной военной прозы о Донбассе // Филологический аспект. 2025. № 6 (122).
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 1. 1953-1968.
8. Лейдерман Н. Л. Образ мира. Тексты, голос, память. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.
9. Маркова Т. Н. Новые герои новой военной прозы: «Ополченский романс» З. Прилепина // Литература в школе. 2024. № 2. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-2-115-128>
10. Маркова Т. Н. «Лейтенантская проза» СВО: специфика жанра // Цивилизационный выбор России и Русской Церкви. К 80-летию Великой Победы: сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений (г. Санкт-Петербург, 22 мая – 01 июня 2025 г.). СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2025.
11. Моисеева В. Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2025. № 3.
12. Новокрещенова И. Л. Роман Д. Филиппова «Собиратели тишины» в контексте прозы добровольцев // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции (г. Воронеж, 01 апреля – 31 мая 2025 г.). Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2025.
13. Стогний М. В., Гримова О. А. Концептуализация заглавия романа Д. Филиппова «Собиратели тишины» // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы X Всероссийской научной конференции (г. Краснодар, 30-31 октября 2025 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025.
14. Тарасов А. В. Фольклорные мотивы в книге Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад» // Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сборник. Саранск, 2025.
15. Тарасов А. В. Художественные особенности военной прозы А. Лисьева (на материале повести «Не прощаюсь») // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сборник статей. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2026.
16. Тихонов М. Г., Коробов-Латынцев А. Ю. Литературные свидетельства о войне в Донбассе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 1. № S (87).
17. Мальцева Т. В., Кознова Н. Н., Гаганова А. А., О. Ю. Осьмухина, Д. И. Старцев, Н. К. Данилова, И. Б. Ничипоров. Феномены русской литературы XX – начала XXI века: коллективная монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2025.
18. Шаронова Е. А., Гудкова С. П., Дубровская С. А. Война как карнавал смерти (на материале романа З. Прилепина «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1 (36).
19. Шаронова Е. А., Тарасов А. В. Образ военного города в русской литературе XXI века (на материале «Ополченского романа» Захара Прилепина) // Филология: научные исследования. 2025. № 8. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.8.75381>

20. Шукина Д. А. Документальная проза Захара Прилепина о войне на Донбассе // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе: материалы докладов и сообщений XXXI Международной научно-методической конференции (г. Санкт-Петербург, 17 апреля 2026 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2026.
21. Юхнова И. С. Мироощущение русского офицерства первой половины XIX века // Проблемы ментальности: межкафедральный сборник научных трудов. Курган, 2011. Вып. 1.
22. Ясакова Е. А. Особенности «новой» военной прозы (по роману Д. Филиппова «Собиратели тишины») // Проблемы филологического образования: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский университет, 2025. Вып. 17.

Информация об авторах | Author information

RU Шаронова Елена Александровна¹, д. филол. н., проф.
Тарасов Антон Вадимович²
^{1, 2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск

EN Elena Alexandrovna Sharonova¹, Dr
Anton Vadimovich Tarasov²
^{1, 2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ sharon.ov@mail.ru, ² tarasov99.99@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.08.2026; опубликовано online (published online): 23.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Д. С. Филиппов; современная военная проза; донбасские сюжеты; проза добровольцев; новейшая русская литература о специальной военной операции; D. S. Filippov; contemporary war fiction; Donbass stories; volunteer fiction; recent Russian prose on the special military operation.